

Мир философии

К. ЯСПЕРС

В течение более чем полувека все настойчивее ставится вопрос о ситуации времени; каждое поколение отвечало на этот вопрос для своего мгновения. Однако если раньше угроза нашему духовному миру ощущалась лишь немногими людьми, то с начала войны этот вопрос встает едва ли не перед каждым человеком...

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории. Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняли человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недоступные нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает распространившимся по поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа человек западного мира, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов:

а) Ни перед чем не останавливающаяся рациональность, основанная на греческой науке, ввела в существование исчисляемость и господство техники. Общезначимое научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, все это — следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому.

в) Субъективность самобытия ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государственных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята.

с) В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью «ничто» как подлинного бытия западный человек воспринимает мир как фактическую действительность во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для

него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.

Эти три принципа утвердились лишь в последних столетиях, XIX век принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен; пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно, уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым.

После тысячелетий обособленного развития человеческих культур в последние четыре с половиной века шел процесс завоевания мира европейцами, а последнее столетие знаменовало завершение этого процесса. Это столетие, в котором движение совершалось ускоренным темпом, знало множество личностей, полностью зависевших от самих себя, знало гордыню вождей и правителей, восторг первооткрывателей, отвагу, основывающуюся на расчете, знании предельных границ; оно знало также глубину духа, сохраняющуюся в подобном мире. Сегодня мы воспринимаем этот век как наше прошлое. Произошел переворот, содержание которого мы воспринимаем, правда, не как нечто позитивное, а как нагромождение неизмеримых трудностей: завоевание внешних территорий натолкнулось на предел; расширяющееся вовне движение как бы натолкнулось на самое себя...

Спецификой нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира [32]. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде. Существовали неверующие скептики в Древней Индии и в античности, для которых имело значение только чувственно данное, к захвату которого они, хоть и считая его, правда, ничтожным, устремлялись без каких-либо угрызений совести. Однако они еще совершали это в таком мире, который фактически и для них оставался как целое одухотворенным. На Западе как следствие христианства стал возможным иной скепсис: концепция надмирного бога-творца превратила весь сотворенный им мир в его создание. Из природы были изгнаны языческие демоны, из мира — боги. Сотворенное стало предметом человеческого познания, которое сначала как бы воспроизводило в своем мышлении мысли бога. Протестантское христианство отнеслось к этому со всей серьезностью; естественные науки с их рационализацией, математизацией и механизацией мира были близки этой разновидности христианства. Великие естественники XVII и XVIII веков оставались верующими христианами. Но когда в конце концов сомнение устранило бога-творца, в качестве бытия остался лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ, что без предшествующего сведения мира к творению никогда бы с такой резкостью не произошло.

32 Ясперс имеет в виду драматургию Иоганна Фридриха Шиллера (1759-1805), пронизанную мятежным стремлением к свободе, утверждением человеческого достоинства, ненавистью к феодальным порядкам.

Это разбожествление — не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия, по сравнению с которой самое радикальное неверие античности было еще защищено полнотой образов еще сохраненной мифической действительности; она сквозит и в дидактической поэме эпикурейца Лукреция [33].

33 Автор подразумевает дидактическую поэму Лукреция Кара «О природе вещей» — систематическое изложение материалистической философии древности.

Современность сравнивали со временем упадка античности, со временем эллинистических государств, когда исчез греческий мир, и с третьим веком после рождения Христа, когда погибла античная культура. Однако есть ряд существенных различий. Прежде речь шла о мире, занимавшем небольшое пространство земной поверхности, и будущее человека еще было вне его границ. В настоящее время, когда освоен весь земной шар, все, что остается от человечества, должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Прежде население уменьшалось, теперь оно выросло в неслыханных ранее размерах. Прежде угроза могла прийти только извне, теперь внешняя угроза для целого может быть лишь частичной, гибель, если речь идет о гибели целого, может прийти только изнутри. Самое очевидное отличие от ситуации третьего века состоит в том, что тогда техника была в состоянии стагнации, начинался ее упадок, тогда как теперь она в неслыханном темпе совершает свое неудержимое продвижение.

Внешне зримым новым, что с этого времени должно служить основой человеческому существованию и ставит перед ним новые условия, является это развитие технического мира. Впервые начался процесс подлинного господства над природой. Если представить себе, что наш мир погибнет под горами песка, то последующие раскопки не поднимут на свет прекрасные произведения искусства, подобные античным, нас до сих пор восхищают античные мостовые, — от последних веков нового времени останется по сравнению с прежними такое количество железа и бетона, что станет очевидным: человек заключил планету в сеть своей аппаратуры. Этот шаг имеет по сравнению с прежним временем такое же значение, как первый шаг к созданию орудий вообще: появляется перспектива превращения планеты в единую фабрику по использованию ее материалов и энергий. Человек вторично прорвал замкнутый круг природы, покинул ее, чтобы создать в ней то, что природа как таковая никогда бы не создала; теперь это создание человека соперничает с ней по силе своего воздействия. Оно предстает перед нами не столько в зримости своих материалов и аппаратов, сколько в действительности своих функций; по остаткам радиомачт археолог не мог бы составить представление о созданной ими всеобщей для людей всей Земли доступности событий и сведений.

Однако характер разбожествления мира и принцип технизации еще не достаточны для постижения того нового, что отличает наши века, а в своем

завершении — нашу современность от прошлого. Даже без отчетливого знания людей нас не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если ей не будет дано удовлетворение, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека.

Взирая на прошедшие тысячелетия, можно подумать, что человек достиг в своем развитии конца. Или же он в качестве носителя современного сознания находится лишь в начале своего пути, в начале своего становления, но, обладая на этот раз средствами и возможностью реального воспоминания, на новом, совершенно ином уровне.

...В водовороте современного существования часто становится непостижимым, что собственно происходит. Неспособные спастись на берегу, что позволило бы обозреть целое, мы носимся в своем существовании, как по морю. Водоворот создает то, что мы видим только тогда, когда он нас увлекает за собой.

Однако это существование рассматривается в настоящее время как само собой разумеющееся, как массовое обеспечение посредством рационального производства на основе технических открытий. Когда это знание постигаемого процесса в целом превращается в осознание бытия современности, неизбежным становится уже не непостижимый в своих возможностях водоворот, а действующий в ходе необходимого экономического развития аппарат.

Ставя перед собой цель уяснения нашей духовной ситуации, мы исходим из того, как в настоящее время рассматривается действительность. Сжатое воспроизведение известного должно сделать ощутимым значение этого знания: если постигнутая в нем действительность сама по себе могущественна, то это знание как таковое превращается в новую, духовную силу, которая, если она не ограничивается настоятельно обоснованным рациональным применением для отдельной целенаправленной деятельности, а абсолютизируется в общую картину существования, является верой, которую остается лишь принять или отвергнуть. В то время как научное исследование в своей особенности направлено на исследование характера и уровня хозяйственных сил, для духовного осознания ситуации решающим является ответ на вопрос, следует ли считать эти силы и то, что они создают, единственной господствующей над всем действительностью человека.

Массовое существование и его условия. По подсчетам 1800 года население Земли составляло около 860 миллионов, сегодня оно равно 1800 миллионам. Этот неведомый ранее рост населения в течение одного столетия стал возможным благодаря развитию техники. Открытия и изобретения создали: новый базис производства, организацию предприятий, методическое изучение наибольшей производительности труда, транспорт и сообщение, повсюду доставляющие все необходимое, упорядочение жизни посредством формального права и полиции; и на основании всего этого точную калькуляцию на предприятиях. Создавались предприятия, планомерно

руководимые из центра, несмотря на то, что на них заняты сотни людей, и они распространили свое влияние на многие регионы планеты.

Это развитие связано с рационализацией деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета; развитие связано и с механизацией: труд превращается в исчисленную до предела, связанную с необходимыми правилами деятельность, которая может быть совершена различными индивидами, но остается одной и той же. Там, где раньше человек только выжидал, предоставлял возникнуть необходимому, он теперь предвидит и ничего не хочет предоставлять случаю. Рабочий вынужден в значительной степени превратиться в часть действующего механизма.

Население не может жить без огромного аппарата, в работе которого оно участвует в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Зато мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей. Еще в начале XIX века в Германии были периоды, когда люди страдали от голода. Болезни катастрофически уменьшали население, большинство детей умирало в грудном возрасте, лишь немногие люди доживали до старости. В настоящее время в регионах западной цивилизации возникновение голода в мирное время исключено. Если в 1750 г. в Лондоне ежегодно умирал один человек из двадцати, то теперь — один из восьмидесяти. Страхование на случай безработицы или болезни и социальное обеспечение не дают умереть с голоду нуждающемуся человеку, тогда как раньше это было само собой разумеющимся для целых слоев населения и по сей день является таковым для ряда стран Азии.

Массовое обеспечение совершается не по определенному плану, а также в чрезвычайно сложном взаимодействии различных видов рационализации и механизации. Это — не рабовладельческое хозяйство, где людей используют как животных, а хозяйство, в котором люди по своей доброй воле каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвует в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности — демократия в той или иной ее разновидности. Никто не может больше на основе измышленного плана определять без согласия массы, что ей следует делать. Аппарат развивается в столкновении борющихся и согласно действующих волевых направленностей; критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности. Поэтому все действуют по плану, но не по плану целого.

В соответствии с этим в течение двух веков сложилась в качестве основной науки политическая экономия. Поскольку в это время экономические, технические и социальные процессы все более определяли для общего сознания исторический ход вещей, знание их превратилось как бы в науку человеческих вещей вообще. С этим связана безмерная сложность в осуществлении принципа целерационального порядка в обеспечении существования, принципа, который сам по себе представляется столь простым. В этой сложности проявляется

целый мир допустимого господства, который, будучи нигде не различимым как целое, существует только в постоянном видоизменении.

Сознание в век техники. Следствием развития техники для повседневной жизни является уверенность в обеспечении всем необходимым для жизни, но таким образом, что удовольствие от этого уменьшается, поскольку его ожидают как нечто само собой разумеющееся, а не воспринимают как позитивное исполнение надежды. Все становится просто материалом, который можно в любую минуту получить за деньги; в нем отсутствует оттенок лично созданного. Предметы пользования изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменяемы. От техники ждут создания не чего-то драгоценного, неповторимого по своему качеству, независимого от моды из-за его ценности в жизни человека, предмета, принадлежащего только ему, сохраняемого и восстанавливаемого, если он портится. Поэтому все, связанное просто с удовлетворением потребности, становится безразличным, существенным — только когда его нет. По мере того, как растет масштаб обеспечения жизни, увеличивается ощущение недостатка и угрозы опасности.

Среди предметов пользования существуют целесообразные, совершенно законченные виды, окончательные формы, производство которых может быть нормировано по определенному плану. Их не изобрел какой-нибудь один умный человек; это — результат процесса открытия и формирования, совершенный целым поколением. Так, велосипед развивался в течение двух десятилетий, принимая формы, которые теперь кажутся нам смешными, пока не обрел в ряде модификаций свою окончательную форму, сохраняемую им до сих пор. Если теперь большинство предметов пользования в каких-то деталях и отталкивают несоответствием формы, завитушками и излишеством деталей, непрактичностью приспособлений, подчеркнутой и поэтому ненужной техничностью, идеал в целом ясен, и в ряде случаев он осуществляется. Там, где он осуществлен, привязанность к какому-либо отдельному экземпляру теряет всякий смысл; нужна только форма, а не отдельный экземпляр, и, несмотря на всю искусственность, ощущается некая новая близость к вещам, как к чему-то созданному людьми, т.е. близость к ним в их функции.

Преодоление техникой времени и пространства в ежедневных сообщениях газет, в путешествиях, в массовом продуцировании и репродуцировании посредством кино и радио создало возможность соприкосновения всех со всеми. Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. В имеющих важное значение событиях могут участвовать все. Людей, занимающих ведущие посты, знают так, будто ежедневно с ними встречаются.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действий таинственных сил, а ясного установления фактов. Сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания. Обстоятельность

отвергается, требуется конструктивная мысль, не разговоры, а просто сообщение фактов. Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано в существовании с уходом за телом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, как все, не выделяться, создает поглощающую все типизацию, напоминая на другом уровне типизацию самых примитивных времен.

Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает, как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как «мы».

Бытие человека сводится к всеобщему: к жизнеспособности как производительной единице, к тривиальности наслаждения. Разделение труда и развлечений лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное — чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро передается забвению; здесь нет длительности, это — только времяпрепровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью. Число участников в лотереях поразительно; решение кроссвордов становится излюбленным занятием. Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует деловое функционирование, в котором регулируется утомление и отдых.

В разложении на функции существование теряет свою историческую особенность, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий. Молодость как выражение высшей жизнеспособности, способности к деятельности и эротического восторга является желанным типом вообще. Там, где человек имеет только значение функции, он должен быть молодым; если же он уже не молод, он будет стремиться к видимости молодости. К этому добавляется, что возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни — лишь случайная длительность, она не сохраняется в памяти как значимая последовательность неотвратимых решений, принятых в различных биологических фазах. Если у человека в сущности нет больше возраста, он все время начинает с начала и всегда достигает конца; он может делать и го, и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто по

существу не действительно. Отдельный человек не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему придавать значение своей деятельности? Все, что происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они все одного возраста. Дети становятся по возможности раньше как бы взрослыми и участвуют в разговорах по собственному желанию. Там, где старость сама пытается казаться молодой, она не вызывает почтения. Вместо того чтобы делать то, что ей пристало, и тем самым служить молодым на определенной дистанции масштабом, старость принимает облик жизненной силы, которая свойственна в молодости, но недостойна в старости. Подлинная молодость ищет дистанции, а не беспорядка, старость — формы и осуществления, а также последовательности в своей судьбе.

Поскольку общая деловитость требует простоты, понятной каждому, она ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире. Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манера говорить, характер сообщения. Общим становится и этос общения: вежливые улыбки, спокойствие, никакой спешки и настоятельных требований, юмор в напряженных ситуациях, готовность помочь, если это не требует слишком больших жертв, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и порядок в толпе — все это целесообразно для совместной жизни многих и осуществляется.

Господство аппарата. Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина — каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире — становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что человек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приемы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия. То, что прошло, не имеет значения, значимо лишь то, что в данную минуту происходит. Основное свойство этого существования — умение забывать, его перспективы в прошлом и будущем почти сжимаются в настоящем. Жизнь течет без воспоминаний и без предвидений во всех тех случаях, когда речь идет не о силе абстрагирующего целесообразно направленного внимания на производительную функцию внутри аппарата.

Исчезает любовь к вещам и людям. Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид как таковой безразличен. Незаменимых не существует. То, в качестве чего он был, — он — общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место в аппарате. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая сама является аппаратом, т.е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, сообщество, фабрика, фирма — все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. Внутри бюрократического аппарата и посредством него возможно продвижение, которое предоставляет большую значимость при сходных по существу функциях, требующих только большей интеллигентности, умения, особых способностей, активных действий.

Господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, способны жить не задумываясь и, почти не тратя времени на сон, одержимы желанием продвигаться.

Далее требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить — безотказно нести службу, стать незаменимым, — молчать, надувать, немного, но не слишком, лгать, быть неутомимым в нахождении оснований, вести себя внешне скромно, — в случае необходимости взывать к чувству — трудиться к удовольствию начальства, — не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием, но должен добиться соответствующего положения своими

силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом, отношением к ценностям, и все это представляет опасность для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, и поэтому они с безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вызывают подозрение, их поведение рассматривается как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и пресупающее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот, кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил.

Методы продвижения в аппарате определяют отбор нужных лиц. Так как достигает чего-либо только тот, кто рвется к успеху, но именно это никогда не должен признавать в конкретной ситуации, приличным считается ждать, когда ты будешь позван: от поведения зависит, каким образом достигнуть желаемого, сохраняя видимость сдержанности. Сначала, обычно в обществе, как бы незаметно, направляют разговор в нужную сторону. Как бы безразлично высказываются предположения. Им предшествуют такие выражения: я об этом не думаю... не следует ожидать, что... — и таким образом выражают свои желания. Если это ни к чему не приводит, то ничего сказано не было. Если же желаемый результат достигнут, то можно вскоре сообщить о поступившем предложении, сделав вид, что это произошло независимо от своего желания. Создается привычка утверждать многое, противоречащее друг другу. Со всеми людьми следует устанавливать такие отношения, чтобы обладать по возможности большими связями, используя ту, которая именно в данном случае необходима. Вместо товарищества самобытных людей возникает некая псевдодружба тех, кто молча находит друг друга в случае надобности, придавая своему общению форму обходительности и любезности. Не нарушать правил игры в удовольствиях, выражать каждому свое уважение, возмущаться, когда можно рассчитывать на соответствующий отклик, никогда не ставить под вопрос общие материальные интересы, какими бы они ни были, — все это и тому подобное существенно.

Господство массы. Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве — на рабочую силу массы, в своей продукции — на ценности массы потребителей.

Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика — типический продукт определенного исторического этапа; это — связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела

воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, как публика и как толпа она выступает в качестве преходящего явления.

Прекрасный анализ свойств массы как временного единства толпы дал Лебон, определив их как импульсивность, внушаемость, нетерпимость, склонность к изменениям и т.д. Свойство массы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется «общественным мнением». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое. Поскольку оно, собственно говоря, неосознано, оно всегда иллюзорно и мгновенно исчезает, — ничто, которое в качестве ничто большого числа людей становится на мгновение уничтожающей и возвышающей силой.

Познание свойств включенной в аппарат массы не просто и не однозначно. Что представляет собой человек, проявляется в том, что делает большинство: в том, что покупается, что потребляется, в том, на что можно рассчитывать, когда речь идет о многих людях, а не о склонности отдельных индивидов. Так же, как статьи бюджета в частном хозяйстве служат характерным признаком сущности отдельного человека, так бюджет зависимого от большинства государства служит признаком сущности масс. О сущности человека можно судить, если быть осведомленным о наличных у него средствах, исходя из того, на что у него есть деньги и на что их не хватает. Самым непосредственным образом узнать, что можно в среднем ожидать, учит опыт, складывающийся из соприкосновения со многими людьми. Эти суждения поразительно сходны на протяжении тысячелетий. Объединенные в большом количестве, люди как будто хотят только существовать и наслаждаться; они работают под действием кнута и пряника: они, собственно говоря, ничего не хотят, приходят в ярость, но не выражают свою волю; они пассивны и безразличны, терпят свою нужду; когда наступает передышка, они скучают и жаждут нового.

Для включенной в аппарат массы главное значение имеет фикция равенства. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и значить больше.

Если в прежние времена для того, чтобы знать, на что можно рассчитывать, следовало знакомиться с князьями и дипломатами, то теперь для этого нужно быть осведомленным о свойствах массы. Условием жизни стала необходимость выполнять какую-либо функцию, так или иначе служащую массам. Масса и ее аппарат стали предметом нашего самого жизнетрепещущего интереса. В своем большинстве она господствует над нами. Для каждого, кто сам не обманывает себя, она является сферой его полной служебной зависимости, деятельности, забот и обязательств. Он принадлежит ей, но она угрожает человеку гибелью в риторике и суете, связанным с ее утверждением: «мы — все»; ложное

ощущение силы этого утверждения улетучивается как ничто. Включенная в аппарат масса бездуховна и бесчеловечна. Она — наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она способна все растоптать, ей присуща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев.

По мере консолидации огромного аппарата по упорядочению жизни масс каждый должен ему служить и своим трудом участвовать в создании нового. Если он хочет жить, занимаясь духовной деятельностью, это возможно только участвуя в умиротворении какой-либо массы людей. Он должен показать значимость того, что приятно массе. Она хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует. Помимо этого ей нужен способ познания самой себя. Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться. Для удовлетворения ее желаний фактически среднее и обычное, но не названное таковым должно быть возвеличено или во всяком случае оправдано в качестве общечеловеческого. Недоступное ей именуется далеким от жизни.

Для воздействия на массу необходима реклама. Поднимаемый ею шум служит в настоящее время формой, которую должно принимать каждое духовное движение. Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни, по-видимому, исчезла. Необходимо показываться, читать доклады и произносить речи, вызывать сенсацию. В массовом аппарате в представительстве недостает подлинного величия. Нет празднеств. В подлинность праздников никто не верит, даже сами их участники. Достаточно представить себе папу совершающим торжественное путешествие через весь земной шар в центр нынешнего могущества, в Америку, примерно так, как он в средние века разъезжал по Европе, и мы сразу же увидим, насколько несравним с прошлым феномен нашего времени.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Человек и его ценности. Ч. 1. М., 1988. С. 61 — 89

А. ПЕЧЧЕИ

Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. Уже занесены в золотую книгу наиболее значительные успехи ее предшествующего развития. И пожалуй, самым важным из них, определившим все остальные достижения цивилизации, явилось то, что она дала мощный импульс к развертыванию промышленной, научной и технической революций. Достигнув сейчас угрожающих размеров, они уподобились гигантским тиграм, которых не так-то просто обуздать. И тем не менее вплоть до недавнего времени общество умудрялось приручать их и,

успешно подчиняя своей воле, понукало мчаться вперед и вперед. Время от времени на пути этой бешеной гонки вырастали трудности и преграды. Но они либо с поразительной легкостью преодолевались, либо оказывались стимулами для новых мощных скачков вперед, побуждали к развитию более совершенных движущих сил, новых средств роста. У современной цивилизации нашлись возможности для решения многих, казалось бы, неразрешимых социально-политических проблем. Так появилась новая общественная формация — социализм, — широко использующая достижения научно-технического прогресса.

Набирая все новые и новые силы, цивилизация нередко обнаруживала явную склонность навязывать свои идеи с помощью миссионерской деятельности или прямого насилия, идущих от религиозных, в частности христианских, традиций. Трудовая этика и прагматический стиль мышления послужили источниками непреодолимого напора тех идей и средств, с помощью которых она навязывала свои привычки и взгляды другим культурам и традициям. Так цивилизация неуклонно распространялась по планете, используя для этого все возможные пути и средства — миграцию, колонизацию, завоевания, торговлю, промышленное развитие, финансовый контроль и культурное влияние. Мало-помалу все страны и народы стали жить по ее законам или создавали их по установленному ею образцу. Ее нравы стали предметом поклонения и образцом для подражания; и, даже если их отвергают, все равно именно от них отталкиваются в поисках иных решения и альтернатив.

Развитие цивилизации, однако, сопровождалось расцветом радужных надежд и иллюзий, которые не могли осуществиться хотя бы по причинам психологического и социального характера. В основе ее философии и ее действий всегда лежал элитаризм. А Земля — как бы ни была она щедра — все же не в состоянии разместить непрерывно растущее население и удовлетворить все новые и новые его потребности, желания и прихоти. Вот почему сейчас в мире наметился новый, более глубокий раскол — между сверхразвитыми и слаборазвитыми странами. Но даже и этот бунт мирового пролетариата, который стремится приобщиться к богатствам своих более благополучных собратьев, протекает в рамках все той же господствующей цивилизации и в соответствии с установленными ею принципами.

Маловероятно, чтобы она оказалась способной выдержать и это новое испытание, особенно сейчас, когда ее собственный общественный организм раздирают многочисленные недуги. НТР же становится все строптивее, и усмирять ее все труднее и труднее. Наделив нас невиданной доселе силой и привив вкус к такому уровню жизни, о котором мы раньше и не помышляли, НТР не дает нам порой мудрости, чтобы держать под контролем наши возможности и запросы. И нашему поколению пора наконец понять, что только от нас зависит теперь, сможем ли мы преодолеть это критическое несоответствие, так как впервые в истории от этого зависит судьба не отдельных стран и регионов, а всего человечества в целом. Именно наш выбор предопределит, по какому пути пойдет дальнейшее развитие человечества,

сможет ли оно избежать самоуничтожения и создать условия для удовлетворения своих потребностей и желаний.

Далек ли от нас критический порог? Думаю, что он уже совсем близок, и мы стремительно мчимся прямо к нему. Уже к 1984 году население планеты достигнет почти 5 миллиардов. Это неизбежно приведет к увеличению масштабов и сложности всех земных проблем. Число безработных может достигнуть к этому моменту 500 миллионов человек. Европейское экономическое сообщество будет, видимо, по-прежнему биться над тем, как реформировать многоликую денежную систему и координировать развитие входящих в него стран и их внешнюю политику. И хотя важность роли Сообщества в мире отнюдь не определяется размерами входящих в него стран, численность населения которых составляет всего лишь 5 — 6% от мирового населения, вряд ли можно всерьез рассчитывать на его ощутимую помощь остальному миру. Маловероятно, чтобы страны Сообщества смогли к этому времени выбраться из трясины собственных проблем. Тем временем занятая «оборонными» программами изобретательная и могущественная половина мирового ученого сообщества даст новый толчок гонке вооружений, снабдив ее средствами выхода в безграничное космическое пространство. И все большие и большие ломти мирового продукта будут поглощаться в самоубийственных целях. Десятки миллионов лет влажные тропические леса пребывали в состоянии устойчивого равновесия. Сейчас их уничтожают со скоростью 20 гектаров в минуту. Если так пойдет и дальше, то уже через три-четыре десятилетия они окончательно исчезнут с лица земли — раньше, чем иссякнет нефть в последних скважинах, но с куда более опасными для человека последствиями.

Можно до бесконечности продолжать этот печальный список. И что самое страшное, никто, в сущности, не знает, какая именно из этого множества опасностей и проблем — далеко не все из которых мы уже успели прочувствовать и осознать — развяжет ту цепную реакцию, которая поставит человечество на колени. Никто не может сейчас предсказать, когда это произойдет, и вполне возможно, что ближайшие годы и есть последняя отсрочка, дарованная человечеству, чтобы оно наконец образумилось и, пока не поздно, изменило курс.

Что же мы можем предпринять в этот последний час? Прежде всего пора наконец понять всем — как тем, кто принимает ответственные решения, так и рядовым людям, — что нельзя без конца уповать на всякого рода общественные механизмы, на обновление и усовершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человека как вида. При всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации, его институты, законодательства и договоры, при всей мощи созданной человеком техники не они в конечном счете определяют судьбу человечества. И нет, и не будет ему спасения, пока оно само не изменит своих привычек, нравов и поведения. Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью

приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого.

Проблема в итоге сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать ее огромный потенциал для благих целей. И если мы хотим сейчас обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, то нам необходимо прежде всего подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке. Задачи эти при всей своей кажущейся на первый взгляд несовместимости вполне реальны и разрешимы сегодня при условии, что мы наконец осознаем, что именно поставлено на карту...

Много лет я размышлял над тем, какие же шаги должен предпринять человек, чтобы свернуть с гибельного пути. Исследуя сложность беспредельно большого и проникая в тайны бесконечно малого, он постиг единство Вселенной и открыл отдельные элементы того природного порядка, который объединяет все сущее на свете. Однако в этом процессе познания он не уделил достаточного внимания тому, что находится между двумя крайностями и что на самом деле важнее всего для него самого, — его собственному миру и своему месту в нем. Это и стало ахиллесовой пятой современного человека.

Здесь можно выделить два аспекта. Один из них касается самого человека и его поведения, которое мы должны лучше понять. Исследования и размышления на эту в высшей степени волнующую тему начались еще на заре развития философии и медицины; проблемы эти неисчерпаемы, а процесс их познания бесконечен. Но не этот аспект я имею в виду прежде всего. Второй из них, имеющий более непосредственное и важное в свете сегодняшних проблем значение, касается взаимосвязей человека и окружающей его среды, на которую все более активно влияют результаты человеческой деятельности. Именно здесь существуют в высшей степени опасные пробелы, связанные с недостаточным осознанием пределов и последствий деятельности человека в мире; эти пробелы необходимо немедленно восполнить — но как?

Если бы для решения этой задачи было необходимо немедленно менять человеческую натуру, положение было бы просто безнадежным. Нет, начинать надо с того, что поможет привести в соответствие человеческое восприятие и, следовательно, способ существования и образ жизни человека с реальным сегодняшним миром и способностью человека изменять мир, которую он недавно приобрел. Нужна не биологическая, а культурная эволюция, и, хотя процесс этот может оказаться длительным и сложным, осуществление его вполне в пределах наших возможностей.

Нам удалось усовершенствовать отдельные качества атлетов, космонавтов и астронавтов, улучшить машины, приборы, материалы, породы кур, свиней и сорта кукурузы, преуспели мы в повышении производительности труда,

увеличили возможность человека быстро читать, научились разговаривать с компьютерами. Но мы никогда даже не пытались сделать более острым восприятие своего нового положения в мире, повысить осознание той силы, которой мы теперь располагаем, развить чувство глобальной ответственности и способность оценивать результаты своих действий. Я не сомневаюсь, стоит нам только попробовать, мы преуспеем и на этом пути, так как каждый новый шаг будет со всей очевидностью доказывать, что дальнейшее движение в этом направлении соответствует нашим коренным интересам. Перед нами непочатый край возможностей улучшения человеческих качеств.

В этом — основа моего оптимизма, моей веры в то, что положение еще можно исправить. В то же время, хотя улучшение человеческих качеств так необходимо теперь, оно так сложно, что для достижения этой цели потребуется мобилизовывать волю, способности и возможности жителей всей Земли многие десятилетия. Тем временем, однако, человечество будет продолжать размножаться. Не удастся также остановить и огромную, созданную человеком неуправляемую техническую машину, которая работает сегодня на полную мощность. Все это означает, что грядущие изменения в человеческой системе, скорее всего, окажутся гораздо значительнее тех, которые происходили ранее. И поскольку пока неизвестно, сможет ли человечество поставить под контроль свою численность и жестокую силу своей технической машины и когда все это произойдет, сегодня можно встретиться с самыми крайними, порой исключаящими друг друга альтернативами будущего.

Сможет ли человечество в один прекрасный день рассеять все нависшие над ним угрозы и беды и создать зрелое общество, которое мудро управляло бы и разумно распоряжалось своей земной средой? Сможет ли это новое общество покончить с нынешним расколом и создать действительно глобальную, стабильную цивилизацию? Или, чтобы избежать более тяжелых кризисов, человечество предпочтет еще в большей степени доверить свою судьбу технике, развивая, как то с надеждой предсказывают абсолютизирующие роль науки футурологи, «постиндустриальные» или «информационные» модели общества? Окажется ли этот путь чудотворным выходом из нынешнего тупика и не погибнет ли окончательно человек со всеми своими ограниченными возможностями, слабостями, стремлениями и духовностью в системе, которая будет далека и чужда его природе? Не приведет ли в конечном счете этот выбор к созданию чисто технократического, авторитарного режима, где работа, закон, организация общества и даже информация, мнения, мысли и досуг будут жестко регламентироваться центральной властью? Сможет ли в этих условиях функционировать плюралистическое общество как единое целое?

Или человечество окажется настолько подавленным собственной сложностью и неуправляемостью, что для него станет реальной перспектива окончательного распада и гибели? Не захотят ли более богатые в тщетной попытке отмежеваться от общей судьбы окопаться в оазисах относительной безопасности и благополучия? Не приведет ли это к новому, более глубокому расколу общества на кланы? Какие еще последствия, рациональные или иррациональные, могут вытекать из нашего нестабильного настоящего? И

можно ли считать абсолютно исключенной и неправдоподобной возможность самой страшной апокалипсической катастрофы, которая заклеит человеческую судьбу на многие века, а возможно, и навсегда? Когда и в какой форме нам может особенно угрожать эта опасность?

Можно нарисовать бесконечное множество различных сценариев будущего, более или менее правдоподобных, но, разумеется, ни один из них не сможет претендовать на абсолютный. Напряженная ситуация, в которой оказались живущие ныне на Земле, является прямым следствием того, что делали и чего не делали в предшествующие годы наши предки и даже мы сами. В исторической перспективе не так уж важно, как распространены среди людей те или иные достоинства и недостатки. И даже если кто-то когда-то в будущем понесет ответственность за что-то, сделанное или не сделанное в прошлом, от этого будет немного пользы. Важнее всего глубоко задуматься сегодня, что будет с миллиардным населением планеты завтра — а это почти исключительно зависит от того, что мы все вместе отныне будем или не будем делать.

Из всех этих рассуждений следует, на мой взгляд, вывод, что положение сейчас чрезвычайно серьезное и время работает не на нас, но у нас еще есть хорошие шансы взять судьбу в свои руки — при условии, что мы сконцентрируем всю свою энергию, все лучшее, что есть в нас, на решении этой в высшей степени важной и неотложной задачи. Если мы сможем сделать это поистине критическое усилие, то я уверен, что, с известными ограничениями, будущее человечества может стать таким, каким мы все, коллективно, хотим его видеть. И вопрос лишь в том, с чего начать.

Девятнадцать столетий назад римский писатель Колумелла, изучая самую важную тогда сферу деятельности — сельское хозяйство, справедливо заметил, что оно нуждается в человеке, который знает, который хочет и который может. Современный человек, решившийся в наши дни взяться за беспрецедентное мероприятие — создание глобальной империи, опрометчиво опрокинул эту логическую последовательность, ибо он может, но пока что не хочет, потому что не знает. Мы должны исправить такое положение вещей, и первым из множества предстоящих дел должно стать понимание реального мира и нашего положения в нем...

Я считаю, что создание Римского клуба [34], основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества. Буквально с каждым часом растут наши знания о самых разных вещах; вместе с тем мы остаемся почти невежественными в том, что касается изменений в нас самих. И если что-то и можно поставить в заслугу Римскому клубу, то именно то, что он первым восстал против этого опасного, почти равносильного самоубийству неведения.

34 Римский клуб — международная общественная организация, созданная с целью углубить понимание особенностей развития человечества в эпоху научно-технической

революции. Основан в 1968 г. Итальянский экономист А. Печчеи был председателем Римского клуба в 1968 — 1987 гг.

Мы знаем, что наше путешествие в качестве homo sapiens началось приблизительно сто тысячелетий назад, и вот уже сто веков, как ведется историческая летопись человечества. Однако в последние десятилетия все чаще рождается мысль, что человечество достигло какого-то важного рубежа и оказалось на перепутье. Впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром, по-видимому, действительно нависла реальная угроза неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить общую судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, сегодня еще не задумывается над необходимостью радикально изменить не только свой собственный образ жизни, но жизнь своей семьи, своего народа. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы еще не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение.

Человек не знает, как вести себя, чтобы быть по-настоящему современным человеком. И эта особенность присуща лишь ему — другие виды не знают этой слабости. Тигр прекрасно знает, как быть тигром. Паук живет так, как живут пауки. Ласточка постигла те повадки, которые полагаются ласточке. Природная мудрость помогает всем этим видам постоянно регулировать и совершенствовать качества, которые обеспечивают выживание, приспособляемость к изменяющимся внешним условиям. И свидетельство успешности этих усилий — сам факт их нынешнего существования. Но неожиданно человек в век НТР оказывается их смертельным врагом, врагом или тираном почти всех форм жизни на планете. Человек, придумав сказку о злом драконе, сам оказывается этим драконом.

А человеку, имеющему много общего со всеми другими живыми существами, не хватает лишь мудрости выжить. Постепенно утрачивая свои природные способности к приспособлению и выживанию, сочтя за благо все больше и больше доверять свою участь разуму, то есть своим техническим возможностям, человек, вместо того, чтобы меняться самому, принялся изменять окружающий мир, став в нем звездой первой величины. Ему бы никогда не одержать победы в прямой схватке с другими видами, но он предложил им бой на свой лад и стал неуязвим. Однако мир не мог

беспредельно изменяться, угождая его желаниям, и на каждой новой ступеньке восхождения человеку приходилось вновь осознавать свою возросшую силу и учиться жить с ней. В результате — вот он, человеческий парадокс: как в зыбучих песках, увязает человек в своих невиданных возможностях и достижениях — чем больше силы он применяет, тем больше в ней нуждается, и если вовремя не научится ею

пользоваться, то обречен стать вечным пленником этих зыбучих песков.

За последние десятилетия в новом порыве вдохновения человек одержал еще несколько головокружительных технических побед, однако не нашел еще

времени ни научиться пользоваться их плодами, ни свыкнуться с новыми возможностями, которые они ему дали. Так он начал утрачивать чувство реальности и способность оценивать свою роль и место в мире, а вместе с тем и те фундаментальные устои, которые на протяжении всех предшествующих веков с таким усердием воздвигали его предки, стремясь сохранить человеческую систему и наладить взаимосвязь с экосистемой. Теперь человек оказался перед необходимостью кардинально пересмотреть традиционные взгляды на самого себя, на своих собратьев, на семью, общество и жизнь в целом и пересмотреть в масштабах всей планеты, но он пока еще не знает, как это сделать.

Необходимо совершенно ясно отдавать себе отчет в нелепости утверждений, что нынешнее глубоко ненормальное и неблагоприятное состояние человеческой системы можно хоть как-то приравнять к каким бы то ни было циклическим кризисам или связывать с какими-то преходящими обстоятельствами. И уж если — за неимением другого подходящего слова — мы все же вынуждены называть это кризисом, то должны сознавать, что это особый, всеобъемлющий, эпохальный кризис, пронизывающий буквально все стороны жизни человечества. Римский клуб назвал его затруднениями человечества.

Диагноз этих затруднений пока неизвестен, и против них нельзя прописать эффективных лекарств; притом они усугубляются еще тесной взаимозависимостью, которая связывает ныне все в человеческой системе. с тех самых пор, как человеком был открыт ящик, подобный ящику Пандоры, и неведомая донныне техника выскользнула из-под его контроля, все, что бы ни произошло где-то в мире, отдается звонким эхом почти повсюду. Нет больше экономических, технических или социальных проблем, существующих раздельно, независимо друг от друга, которые можно было бы обсуждать в пределах одной специальной терминологии и решать не спеша, по отдельности, одну за другой. В нашем искусственно созданном мире буквально все достигло небывалых размеров и масштабов: динамика, скорости, энергия, сложность — и наши проблемы тоже. Они теперь одновременно и психологические, и социальные, и экономические, и технические, и вдобавок еще и политические; более того, тесно переплетаясь и взаимодействуя, они пускают корни и дают ростки в смежных и отдаленных областях.

Даже при беглом взгляде на приведенный перечень проблем легко увидеть звенья, которые сцепляют их воедино; при более детальном рассмотрении эти связи прослеживаются еще нагляднее. Бесконтрольное расселение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и

порядком; ядерное безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей — вот далеко не полный список или, вернее сказать, клубок тех сложных, запутанных проблем, который Римский клуб назвал проблематикой.

В пределах этой проблематики трудно выделить какие-то частные проблемы и предложить для них отдельные, независимые решения — каждая проблема соотносится со всеми остальными, и всякое очевидное на первый взгляд решение одной из них может усложнить или как-то воздействовать на решение других. И ни одна из этих проблем или их сочетаний не может быть решена за счет последовательного применения основанных на линейном подходе методов прошлого. Наконец, над всеми проблемами нависла еще одна трудность, недавно появившаяся и перекрывающая все остальные. Как показал опыт, на определенном уровне развития проблемы начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, — они образуют глобальную проблему.

Такое международное распространение проблемных эпидемий вовсе не означает, что исчезнут или станут менее интенсивными проблемы регионального, национального или локального характера. Напротив, их становится все больше и больше, а справляться с ними все труднее и труднее. Но самое страшное, что мы продолжаем упорно фокусировать внимание именно на этих периферических или частичных проблемах, которые кажутся нам ближе и потому больше, и при этом не замечаем или попросту не желаем осознавать, что тем временем вокруг нас все плотнее сжимаются тиски гораздо более грозной, всемирной глобальной проблемы. Правительства же и нынешние международные организации оказываются абсолютно неспособными достаточно гибко реагировать на сложившееся положение. Сама их структура как будто специально создана таким образом, чтобы решать исключительно узкие, секторальные проблемы и оставаться совершенно нечувствительной к общим, глобальным. Они будто окружены непроницаемой стеной, сквозь которую даже не доносятся отзвуки разыгрывающихся бурь; более того, их бюрократический аппарат оказывает упорное сопротивление любым попыткам отреагировать, он буквально парализован массой неотложных задач и при этом, конечно, не видит гораздо более страшных, но несколько отдаленных во времени бед...

В августе 1974 года меня посетил Эрвин Ласло — бывший концертирующий пианист, человек разносторонних интересов и многогранных талантов: философ, специалист в области кибернетики, эссеист. Он поделился со мной одной идеей, которая оказалась очень созвучной моим собственным мыслям. Смысл ее сводился к следующему. Размышляя о будущем, люди, как правило, акцентируют внимание главным образом на отрицательных тенденциях нынешнего развития, на нерешенной проблематике, на тех изменениях, которые необходимы для выживания человеческого общества,

оставляя в стороне и практически не принимая во внимание существующих в нем здоровых, положительных начал. А между тем, возможно, именно на них и нужно если не опираться, то, во всяком случае, рассчитывать, планируя те или иные изменения. «Фокусируя внимание на болезни, мы апеллируем в первую очередь к страху, а основанное на нем поведение трудно направить по желаемому руслу. Фокус на здоровье, наоборот, мотивирует поведение, ориентированное на положительные цели; и тогда любое достижение рассматривается не просто как удача в стремлении избежать несчастья, а как победа»*, — писал он позднее. «Человек взбирается на Эверест, потому что видит в этом выражение человеческой изобретательности и стойкости. Скажи ему, что он должен сделать то же самое, чтобы выжить или обрести свободу, и он воспримет это как тяжелую нечеловеческую работу».

* Laszlo E. Goals for Global Society — In: «Main Currents in Modern Thought», vol. 31, 1975.

Я разделял эту точку зрения. Действительно, пора было перейти от стадии обычного шока — который был необходим, чтобы привлечь внимание людей к близящейся опасности, — к новому этапу позитивного взгляда на то, чего реально может достигнуть в обозримом будущем человечество в ходе своей эволюции. К несчастью, среди экономистов и техников встречаются еще глупцы, верящие, что именно их науки способны найти тот магический философский камень, который исцелит человечество от всех его недугов. К тому же в мире существуют влиятельные силы, заинтересованные в продолжении прежнего курса, так что рано пока прекращать шокое лечение. И все-таки цели человечества не могут ограничиваться лишь стремлением избежать катастрофы, обеспечить возможности для выживания и потом влачить прозаическое и ущербное существование в своем полуискусственном мире. Нужно поднять дух человека, ему необходимы идеалы, в которые он мог бы действительно верить, ради которых он мог бы жить и бороться, а если понадобится, и умереть. И идеалы эти должны произрастать из его осознания своей новой роли на планете — той роли, о которой я уже так много говорил.

После того как мы с Ласло подробно обсудили все эти вопросы, он изъявил готовность взяться за осуществление проекта о целях современного человечества, при условии, что ему будет оказана поддержка Римского клуба и будут выделены необходимые финансовые средства. Не сомневаясь в одобрении моих коллег по Клубу, я гарантировал ему нашу поддержку и помог уладить финансовые вопросы. Основная задача проекта сводилась к определению целей, которые должно поставить перед собой человечество на нынешней стадии своего развития. Эти цели предполагалось вывести в итоге сравнительного анализа современного положения и перспектив развития человечества, с одной стороны, и тенденций развития различных философских школ, культурных традиций, ценностей и мотиваций на протяжении всей истории человеческой цивилизации — с другой. В качестве исходного материала, характеризующего нынешнее положение человечества,

планировалось использовать результаты уже проведенных исследований, в том числе и проектов Римского клуба. «Сегодня, — сказал Ласло, — перед нами стоит задача отыскать такие идеалы, которые могли бы на глобальном уровне выполнять функции, эквивалентные функциям местных и региональных мифов, религий и идеологий в здоровых общественных системах прошлого». И здесь первостепенное значение придавалось именно общемировому, глобальному подходу.

До настоящего времени традиционными источниками идеалов всегда были религиозные и гражданские системы взглядов и мировоззрения. Сейчас на наших глазах зарождаются два новых источника: ощущение глобальности, о котором я буду говорить ниже, и сознание новой роли человека как лидера всей жизни на Земле. И перед всеми нами стоит задача найти такое созвучное чувствам современного человека соединение этих проистекающих из разных источников идеалов, чтобы создать в нем необходимые для самоудовлетворения моральные стимулы и творческие стремления и направить их на достижение целей, соответствующих духу и потребностям нашего времени. Призванный открыть широкое обсуждение этой проблемы новый проект — «Цели для глобального общества» — был начат в конце 1974 года. Ласло удалось собрать неплохую группу, и они планировали к лету 1976 года завершить первый этап работы над проектом*...

* В настоящее время доклад уже опубликован: Laszlo E. et al. Goals for Mankind New York, 1977.

Сейчас мы находимся лишь в самом начале процесса глубоких изменений и должны сами позаботиться о том, как направить его дальнейшее развитие и расширение. Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство быть лидером на Земле. Если он найдет в себе силы полностью и до конца осознать всю сложность и неустойчивость своего нынешнего положения и принять на себя определенную ответственность, если он сможет достичь того уровня культурной зрелости, который позволит выполнить эту нелегкую миссию, тогда будущее принадлежит ему. Если же он падет жертвой собственного внутреннего кризиса и не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете, что ж, тогда человеку суждено стать свидетелем того, как станет резко сокращаться число ему подобных, а уровень жизни вновь скатится до отметки, пройденной несколько веков назад. И только Новый Гуманизм способен обеспечить трансформацию человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире.

Этот Новый Гуманизм должен не только быть созвучным приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социально-

политической и научно-технической областях. Поэтому и сам Новый Гуманизм должен носить революционный характер. Он должен быть творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить кажущиеся ныне незыблемыми принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций — духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных. И он должен кардинально изменить взгляды и поведение не отдельных элитарных групп и слоев общества — ибо этого будет недостаточно, чтобы принести человеку спасение и вновь сделать его хозяином своей судьбы, — а превратиться в неотъемлемую, органическую основу мировоззрения широких масс населения нашего ставшего вдруг таким маленьким мира. Если мы хотим поднять уровень самосознания и организации человеческой системы в целом, добиться ее внутренней устойчивости и гармонического, счастливого сосуществования с природой, то целью нашей должна стать глубокая культурная эволюция и коренное улучшение качеств и способностей человеческого сообщества. Только при этом условии век человеческой империи не превратится для нас в век катастрофы, а станет длительной и стабильной эпохой по-настоящему зрелого общества.

Революционный характер становится, таким образом, главной отличительной чертой этого целительного гуманизма, ибо только при таком условии он сможет выполнить свои функции — восстановить культурную гармонию человека, а через нее равновесие и здоровье всей человеческой системы. Эта трансформация человеческого существа и составит Человеческую революцию, благодаря которой наконец обретут цели и смысл, достигнут своей кульминации остальные революционные процессы. В противном случае им так и суждено зачахнуть, не расцветши и не оставив после себя ничего, кроме невообразимой и недоступной разуму помеси добра и зла.

Конечно, революционные изменения в материальной сфере принесли человеку немало пользы. И все-таки промышленная революция, которая началась полтора столетия назад на Британских островах с применением механических ткацких станков и паровых машин, а потом, стремительно разрастаясь, обрела в конечном счете свой нынешний гигантский, поистине устрашающий облик современной промышленной системы, создает гораздо больше потребностей, чем способна удовлетворить, и поэтому сама нуждается в коренной перестройке и переориентации. Пришедшая вслед за нею научная революция повсеместно распространила научные методы и подходы, чрезвычайно расширила наши знания о самых различных процессах и явлениях физического мира, однако и она не прибавила человеку мудрости. Что же касается технической революции, то именно она-то — при всех материальных благодеяниях, которые она обрушила на человека, — как раз и оказалась главным источником его внутреннего кризиса. Изменив отношение к труду и создав миф роста, она, кроме того, не только существенно трансформировала средства ведения войны, но и в корне изменила саму ее концепцию. А дорогостоящая военная техника, обладание которой могли себе позволить лишь

сверхдержавы, в немалой степени способствовала нынешней политической поляризации мира.

Вряд ли есть смысл оспаривать, что созданный человеком на-учно-технопромышленный комплекс был и остается самым грандиозным из его творений, однако именно он-то в конечном счете и лишил человека ориентиров и равновесия, повергнув в хаос всю человеческую систему. И грядущие социально-политические революции могут разрешить лишь часть возникающих в связи с этим проблем. Ибо, как бы хорош ни оказался новый порядок, за который сейчас ведется такая упорная борьба, он все-таки затронет только отдельные стороны нынешней международной системы, оставив без изменения лежащий в ее основе принцип суверенитета национальных государств и не коснувшись многих насущных человеческих проблем. Даже при самом благоприятном развитии событий эти революции не смогут свернуть человечество с пагубного пути. Наблюдающееся в обществе сильное брожение умов, разобщенное и беспорядочное, необходимо направлять, планировать и координировать. Так же как и все прочие революционные процессы, эта революция так и останется незавершенной и не воплотится ни в какие реальные деяния, если не вдохновить и не оживить ее чисто гуманистическими человеческими идеалами. Ибо только они придадут революционным процессам общую направленность и универсальные цели.

Для меня наибольший интерес представляют три аспекта, которые, на мой взгляд, должны характеризовать Новый Гуманизм: чувство глобальности, любовь к справедливости и не-терпимость к насилию.

Душа гуманизма — в целостном видении человека во все периоды его жизни — во всей ее непрерывности. Ведь именно в человеке заключены источники всех наших проблем, на нем сосредоточены все наши стремления и чаяния, в нем все начала и все концы, и в нем же основы всех наших надежд. И если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности. Хотя мысль эта, вероятно, уже навязла в зубах и порою кажется просто трюизмом, но факт остается фактом: в наше время цели практически любых социальных и политических действий направлены, как я уже говорил, почти исключительно на материальную и биологическую стороны человеческого существования. Пусть человек и вправду ненасытен, но нельзя же все-таки, следуя такому упрощенному подходу, сводить к этому его жизненные потребности, желания, амбиции и устремления. И что еще более существенно, такой подход оставляет в стороне главное достоинство человека — его собственные нереализованные, невыявленные или неверно используемые возможности. А между тем именно в их развитии заключено не только возможное разрешение всех проблем, но и основа общего самоусовершенствования и самовыявления рода человеческого.

С этим тесно связана и другая важная мысль — мысль о единстве мира и целостности человечества в эпоху глобальной человеческой империи. Вряд ли надо еще раз повторять, что, подобно тому как биологический плюрализм и дифференциация способствуют стойкости природных систем, культурное и политическое разнообразие обогащает человеческую систему. Однако

последняя стала сейчас столь интегрированной и взаимозависимой, что может выжить, только оставаясь единой. А это предполагает взаимно совместимое и согласованное поведение и отношения между отдельными частями этой системы. Всеобщая взаимозависимость процессов и явлений диктует еще одну необходимую для формирования чувства глобальности концепцию — концепцию системности. Без нее невозможно представить себе, что все события, проблемы и их решения активно воздействуют и испытывают такое же воздействие со стороны всего остального круга событий, проблем и решений.

Все эти аспекты новой глобальности тесно взаимосвязаны и соотносятся с двумя другими, продиктованными особенностями нашей эпохи, концепциями. Эти новые концепции касаются соотношения времени и целей и проистекают из того факта, что благоприобретенное могущество человека ускорило ритм событий и увеличило неоднозначность и неопределенность нашего будущего. Это вынуждает человека смотреть дальше вперед и ясно представлять себе свои цели и задачи. Человек, по выражению Денниса Га-бора, не в состоянии предсказать свое будущее, зато он может его построить. И гуманистическая концепция жизни на нынешней, высшей стадии эволюции человека требует от него, чтобы он перестал наконец «заглядывать в будущее» и начал «создавать» его. Он должен смотреть возможно дальше и в своих действиях уделять одинаковое внимание как нынешним, так и отдаленным во времени последствиям, включая весь тот период, в течение которого эти последствия могут проявляться. Поэтому он должен хорошенько подумать и решить, каким бы он хотел видеть будущее, и в соответствии с этим регулировать и регламентировать свою деятельность.

Я полностью отдаю себе отчет в том, как трудно нам, при всем различии наших культур, воспринимать концепцию глобальности — концепцию, связывающую воедино личность, человечество и все взаимодействующие элементы и факторы мировой системы, объединяющую настоящее и будущее, сцепляющую действия и их конечные результаты. Эта в корне новая концепция соответствует нашему новому сложному и переменчивому миру — миру, в котором в век глобальной империи человека мы оказались полновластными хозяевами. И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, мы должны развить в себе понимание глобальности событий и явлений, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной...